

Се Жунцзяо, разглаживая спутанные кисточки, словно пытался распутать и свои мысли:

— То, что думаешь ты, учитель, и то, что думаю я, вероятно, не сильно отличается.

Цзян Цзинсин, прочистив горло, уже собирался заговорить, чтобы взять на себя проблему Се Жунцзяо, но тот не дал ему шанса:

— Поэтому я скажу за тебя.

Чжоу Юй поправил складки на одежде, выпрямил воротник и выпрямил спину.

— Пожалуйста, господин Чжоу, передай мне доказательства твоих связей с Цзи Хуаном. Я передам их отцу, и он решит, распространить ли эту информацию или держать её при себе, чтобы использовать позже.

Если Цзи Хуан увидит, что ты жив, он поймет, что ты всё рассказал нам, и, опасаясь, что ты разрушишь его репутацию, не тронет твою мать. Но тебе, вероятно, будет нелегко, и неизвестно, удастся ли сохранить жизнь. Как ты будешь выживать дальше, зависит от тебя, семья Се не будет вмешиваться.

Чжоу Юй выглядел ошеломленным.

Сплетенные кисточки были одна за другой расправлены, и наконец они перестали быть такими запутанными. Се Жунцзяо вздохнул с облегчением, и его рука, обвивавшая кисточку, уже собиралась отпустить её, когда её схватила другая рука, оказавшаяся в ладони Цзян Цзинсина.

Эта рука появилась как раз вовремя, словно кто-то в осенний день, встречая ветер, накинул на тебя одежду, или в весенний дождь подал чашку ароматного чая. Хотя касалась она только кожи ладони, тепло проникало через плоть, заставляя непроизвольно расслабиться.

Се Жунцзяо слегка повернул запястье, несколько раз потер и нашел удобное положение, чтобы устроиться. Прикрытый широким рукавом, он не хотел отпускать руку:

— Учитель, давай вернемся.

Чжоу Юй остался стоять на месте, потерянный.

Он тихо произнес вслед Се Жунцзяо:

— Наследник, я действительно тебе завидую.

Не так, как раньше, когда он завидовал его власти и богатству, возможности получить всё, что он пожелает.

Он завидовал тому, что его высоко ценили. Облака уже были достаточно чистыми, не запятнанными грязью, но он был выше облаков, как луна, окруженная их кольцом.

Потому что он стоял высоко, он видел далеко.

Потому что он видел далеко, он видел не только зло.

Цзян Цзинсин действительно не хотел, чтобы он услышал? Просто он не хотел, чтобы его настроение испортилось из-за грязных дел.

Се Жунцзяо понимал его намерения.

И на его лице появилась улыбка.

— Чжоу Юй ошибся в одном, — вернувшись в маленький дворик, Се Жунцзяо не пошел в спальню, а держась за руку Цзян Цзинсина, увлек его к кушетке и неожиданно сказал:

— Цзи Хуан не мог не знать, что ты приехал в Хаоцзин. Псевдоним Се Гаошаня мог обмануть других, но не Наставника государства. Цзи Хуан дорожит своей жизнью, и перед тем, как действовать, он обязательно всё тщательно проверил, а Наставник государства знает тебя очень хорошо, и он обязательно спросил бы его.

Наставник государства все же учил Цзян Цзинсина более десяти лет. Какой он был, какие псевдонимы любил использовать — это могло обмануть других, но Наставник государства знал всё.

Особенно учитывая, что псевдонимы Цзян Цзинсина были весьма своеобразными, и их легко было распознать. Поэтому тот факт, что он мог свободно перемещаться, будучи в розыске, а не быть сразу арестованным, был лишь благодаря тому, что Наставник государства помнил их прошлые отношения и намеренно давал ему шанс.

Цзян Цзинсин хлопнул себя по ладони, словно осенило:

— Вот что меня беспокоило! Именно это. Ацы, ты действительно умён, ты открыл мне глаза.

Он начал строить догадки:

— Может, Цзи Хуан просто не подумал спросить Наставника государства? Или Наставник не обратил внимания на твои перемещения? Или этот парень Чжоу просто нас обманул.

Он выглядел так, словно был готов снова схватить Чжоу Юя.

Се Жунцзяо без эмоций смотрел на то, как Цзян Цзинсин разыгрывает спектакль, и холодно добавил:

— А может, это ты намеренно не сказал?

Вот это уже серьёзно.

Когда Се Жунцзяо это произнес, Цзян Цзинсин уже понял, что дела плохи. А когда он сказал второе предложение, стало ясно, что это момент, более важный, чем когда он одолжил меч.

Он сохранял внешнее спокойствие, но в голове быстро перебирал события последних тридцати лет, надеясь выстроить их в логичную последовательность и придумать правдоподобное объяснение.

Глаза Се Жунцзяо были темными:

— Цзи Хуан, зная о твоём присутствии, действовал, будучи уверен, что ты не отреагируешь или твоя реакция не будет угрожающей. Но по его информации, он должен был знать, что ты ко мне равнодушен, и не стал бы рисковать.

Он слегка запнулся, произнося «ты ко мне равнодушен», словно это было сложно сказать.

К счастью, Цзян Цзинсин все еще был погружен в попытки придумать объяснение и не заметил его странности.

Се Жунцзяо подавил непонятное чувство и прямо спросил о том, что его больше всего беспокоило:

— Так что же заставило Цзи Хуана быть уверенным, что ты не вмешаешься?

Что в этом мире могло сдерживать Святого?

Он хотел сказать более прямо: «Так что же за козырь или слабость Цзи Хуана держит в руках?»

Но в горле возникла горечь, заставившая его смягчить формулировку.

Возможно, из-за серьезности ситуации Се Жунцзяо был слишком занят беспокойством, чтобы заметить, что его эмоции были весьма необычны.

Его глаза были слишком яркими.

Если бы они были просто яркими, они бы лишь пробивали облака, рассеивая тьму. Если бы они были просто острыми, они бы пронзали доспехи, как нож масло, заставляя других прятаться.

Но в глазах Се Жунцзяо, помимо всего этого холодного, была еще и нежность, когда он смотрел на Цзян Цзинсина.

И это было опасно.

Древние говорили, что сначала нужно быть вежливым, а потом действовать, и в этом была своя правда. По крайней мере, Цзян Цзинсин, увидев эту нежность в его глазах, уже сдался и даже не пытался придумывать.

Он ведь не делал ничего плохого.

Цзян Цзинсин считал, что даже в самые трудные моменты своей жизни он всегда держался, был честен перед небом, землей и людьми, перед своей совестью.

Но единственный раз, когда он чуть не сдался, был сейчас, перед Се Жунцзяо.

К счастью, его доброта спасла его.

Он не мог даже обмануть Се Жунцзяо с добрыми намерениями, как же он мог позволить ему узнать правду?

— Цзи Хуан ошибся в одном, — Цзян Цзинсин спокойно отвел взгляд. — Ацы, если бы с тобой что-то случилось, я бы обязательно вмешался, как это было восемнадцать лет назад с семьей Цзян.

Он произнес каждое слово с серьезностью:

— Это не потому, что семья Цзян больше, а ты один, не потому, что ты важнее семьи Цзян, или семья Цзян важнее тебя. Вы все важнее моей жизни, и на этом этапе уже нет смысла взвешивать, что важнее.

Се Жунцзяо замер, долго не находя слов.

Он изо всех сил старался удержать дрожь в пальцах, скрытых рукавом, и жестко произнес:

— Со мной всё в порядке, ничего не случится.

Как могло что-то случиться? Семья Цзян уже заставила Цзян Цзинсина испытать, что такое нищета. Если бы с ним что-то случилось, разве он мог бы позволить Цзян Цзинсину снова жить в бедности, зарабатывая на жизнь гаданиями и рассказами?

Как он мог это допустить?

Он наконец перестал настаивать на предыдущем вопросе, и Цзян Цзинсин, словно получив помилование, улыбнулся и, сославшись на необходимость принять ванну и отдохнуть, быстро удалился в свою комнату.

Се Жунцзяо же ворочался в постели, думая, что его настойчивость была не совсем уместной.

У каждого есть секреты, которые он не хочет раскрывать даже близким. Цзян Цзинсин уже был почти безгранично снисходителен к нему, и его постоянные расспросы, даже из заботы, были не совсем уместны.

Это было немного — злоупотреблением доверием.

Поймав себя на этой мысли, Се Жунцзяо вздрогнул и едва не порезал руку вынутым из ножен мечом Чжэньцзяншань.

Быть раненным своим собственным мечом — это было бы слишком.

Вероятно, какое-то время он не мог бы называть себя культиватором на этапе малой колесницы.

Се Жунцзяо крепче сжал меч, пристально глядя на Чжэньцзяншань.

Если бы у него было больше времени.

Се Жунцзяо всю жизнь жил в облаках, никогда не кланялся и не просил, не знал, что такое муки.

Сейчас он закрыл глаза и мысленно молился небесам:

Пожалуйста, дай ему больше времени, чтобы он мог разделить бремя Цзян Цзинсина.

После Малого собрания ароматов до самого Собрания ароматов оставалось еще несколько дней.

Цзян Цзинсин, думая о том, что нельзя оставлять Ацы одного в комнате, чтобы он не начал размышлять о чем-то важном...

Возможно, действительно о чем-то важном.

Поэтому он предложил Се Жунцзяо выйти вечером на улицу посмотреть на фейерверки.